

УДК 165.5

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-4-130-144

Миметический круг П. Рикёра как механизм репрезентации прошлого

А. Б. Аникина

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

К настоящему времени попытки обосновать достоверность исторического знания пришли к противоречию: если история – это рассказ о причинно-взаимосвязанных событиях, то ее утверждения неverifiedируемы, если же история претендует на оценку с точки зрения истинности, то ей остается лишь устанавливать факты. Мы полагаем, что данное противоречие пока остается неразрешенным потому, что рассуждения об историческом познании остаются в области текста, в то время как способ отличия исторического нарратива от вымышленного следует искать во взаимодействии между нарративом и социальной реальностью. В качестве инструмента анализа этого взаимодействия в статье рассматривается миметический круг П. Рикёра. В статье прослеживается работа мимесиса на каждом из этапов перехода от действия к тексту. Предложенная концепция уровней мимесиса дает возможность показать, как формируются нарративные схемы, как повышается их точность в передаче процессов, способность учитывать все большее число факторов.

Ключевые слова

достоверность исторического познания, П. Рикёр, нарратив, тройственный мимесис, когнитивная нарратология

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00801 «Концепция тройственного мимесиса П. Рикёра как основание верифицируемости исторических нарративов»

Для цитирования

Аникина А. Б. Миметический круг П. Рикёра как механизм репрезентации прошлого // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 4. С. 130–144. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-4-130-144

© А. Б. Аникина, 2020

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 4
Siberian Journal of Philosophy, 2020, vol. 18, no. 4

P. Ricoeur's Mimetic Circle as a Tool for Representing of the Past

A. B. Anikina

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Annotation

To date, the attempts to justify the reliability of the historical knowledge have come to a contradiction: if history is a story about causally-interconnected events, then its assertions are unverifiable, and if history claims to be evaluated for truth, it should only establish the facts. We believe that this contradiction remains unresolved, because all the arguments about historical knowledge remain in texts while as a distinction between historical narratives and fictional ones should be sought not in the narrative itself, but in the interaction between the narrative and social reality. In the article we consider Paul Ricoeur's mimetic circle as a tool for analysis of this interaction. The article traces the work of mimesis at each of the steps on its way from action to text. Analyzing the transitions between the phases of mimesis, it becomes clear that the mimetic circle is a set of processes nested into each other that occur at different levels. The proposed concept of mimesis levels makes it possible to show how narrative schemes are formed, how their capability is enhanced to represent processes and an increasing number of factors.

Keywords

authenticity of historical knowledge, P. Ricoeur, narrative, triple mimesis, cognitive narratology

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR according to research project № 20-011-00801 "The Concept of the Tripartite Mimesis of P. Ricoeur as the Basis for Verification of Historical Narratives"

For citation

Anikina A. B. P. Ricoeur's Mimetic Circle as a Tool for Representing of the Past. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 4, p. 130–144. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-4-130-144

Современная ситуация в историческом познании характеризуется осознанием неустранимости нарративной интерпретации, определяющей даже то, что может быть названо историческим фактом. Поиски критерия верификации исторических суждений с точки зрения эпистемологии в конечном счете привели к дилемме, сформулированной Анкерсмитом: если история обладает нарративной связностью, то ее утверждения неverifiedируемы, если же история претендует на оценку с точки зрения истинности, то ей следует сосредоточиться лишь на установлении фактов [Ankersmit, 1986]. Это убеждение связано с установкой, что возможны бесконечно разнообразные интерпретации фактов, позволяющие составить из них любую произвольную цепочку, приводящую к любым предзаданным результатам. Кроме того, сторонники «нарративного» поворота зачастую склонны рассматривать только результат работы историка – текст или

нарратив, не принимая во внимание все составляющие работы историка. Исходя из этих установок и возникает вопрос: действительно ли имеется референциальная связь между историческим нарративом и фактами прошлого? Это противоречие сохраняется до сих пор, и спустя тридцать лет после первоначальной формулировки этой дилеммы «теоретики все еще стоят перед злосчастным выбором либо эпистемические стандарты, неприменимые к историям, либо неэпистемическое нарративное теоретизирование» [Roth, 2016].

Сложившаяся ситуация служит одним из факторов, подрывающих доверие к историческому познанию. Примером озабоченности этой проблемой может служить статья профессора Н. С. Розова «Достижение доверия к истории: неустранимость эпистемичности и коммуникативно-кумулятивный реализм» [2013]. В статье предлагается вариант решения проблемы истинностной оценки исторических суждений на базе концепции «коммуникативно-кумулятивного реализма». Иначе говоря, идея состоит в том, что при неустранимости эпистемологического разрыва между реальностью и нашими знаниями о ней, нам остается постепенно накапливать знания о прошлом, а именно «факты, нарративы, теоретические объяснения с эмпирическими основаниями каждого суждения... Эти знания и основания добываются в интеллектуальных сетях историков... критикующих и развивающих результаты друг друга» [Там же. С. 41].

Данный подход представляется чрезвычайно перспективным, но требующим дальнейшего углубления. Так, при определении того, что значит «доверять истории», Н. С. Розов перечисляет доверие к фактам, к теоретическим объяснениям и доверие к интерпретациям [Там же. С. 39], однако дальнейшие рассуждения строятся только вокруг доверия фактам. В то же время еще в начале статьи как общее место приводится суждение А. Данто о том, что историческое описание не может быть сведено к хронике (т. е. к сумме фактов). Следовательно, для реализации данного подхода мы неизбежно должны задаться вопросом, собственно, об эпистемических критериях оценки нарративных интерпретаций.

Понятие нарратива

Для начала обратимся к понятию нарратива. Разные подходы концентрируются на различных аспектах этого сложного явления. Классический подход делает акцент скорее на плане выражения нарратива, пытаясь найти форму наиболее общую для всех типов рассказов и способов рассказывать. Трансмедиаальный подход обращен на контекст существования повествовательных текстов. В фокусе внимания когнитивной нарратологии – функции, выполняемые нарративом. Брокмейер и Харре, одни из основоположников данного подхода, предлагали «рассматривать нарративы не столько в качестве когнитивных, лингвистических,

металингвистических или онтологических сущностей, сколько в качестве *modus operandi* особых дискурсивных практик». С этой точки зрения термин «нарратив» в первую очередь «обозначает различные формы, внутренне присущие процессам нашего познания, структурирования деятельности и упорядочивания опыта» [Брокмейер, Харре, 2000. С. 36].

Именно последний подход представляется наиболее продуктивным для того, чтобы исследовать способность истории адекватно репрезентировать реальность в своих нарративах, поскольку здесь акцент ставится на взаимосвязи опыта и его осмысления, которое происходит посредством нарративных структур. «...Он [нарратив] действует как открытая и способная к изменениям исследовательская рамка, позволяющая нам приблизиться к границам вечно изменяющейся и вечно воссоздающейся реальности. Он [нарратив] предполагает возможность задавать порядок и придавать согласованность опыту фундаментально нестабильного человеческого существования, а также изменять этот порядок и согласованность, когда опыт и его осмысление меняются» [Там же. С. 39]. Ключевым становится вопрос о том, как именно это происходит.

Новые подходы в нарратологии могут помочь решить старые проблемы метода, однако их еще нужно транспонировать в область теории истории. Примером переосмысления оснований исторической науки с учетом достижений нарратологии является статья В. Н. Сырова «Современные перспективы философии истории: поворот к нарративу». В данной статье прослеживается логический путь идеи о неустранимости нарративной организации истории до вопроса о том, каким же образом можно отличить историю от других форм нарративов, таких как художественная литература, миф, идеология. Сыров предлагает очень удачную формулировку: «не из истории извлекают опыт и не история есть осмысление опыта, а быть историей и значит быть опытом»¹. Однако сразу следом Сыров пишет: «И, наоборот, то, что имеет структуру опыта и есть история». С этим утверждением уже трудно согласиться, разве что в некотором обыденном понимании слова «история», но никак не в качестве научно обоснованного знания о прошлом. Скорее, можно предположить, что история – это опыт, попавший в поле рефлексии. Такой вывод можно сделать из сопоставления истории и памяти Рикёром в книге «Память, история, забвение».

Однако на уровне текста нам не найти отличий между репрезентацией реального опыта и вымышленного или, например, мистического. Как предлагает профессор Розов в упомянутой статье, «общее решение состоит в уходе от прими-

¹ Сыров В. Н. Современные перспективы философии истории: поворот к нарративу. URL: <http://любомудр.рф/index.php/stati/80-sovremennye-perspektivy-filosofii-istorii-povorot-k-narrativu> (дата обращения 15.10.2020).

тивной статичной схемы “описание – реальность”. Она не отменяется и не исчезает, но становится одним из частных срезов комплекса более богатых конструкций», среди которых Розов выделяет процесс исторического исследования, социальные процессы производства и оценки исторических работ, внешние процессы их восприятия [Розов, 2013. С. 39].

Миметический круг П. Рикёра

Как мы полагаем, концепция миметического круга Поля Рикёра позволяет проанализировать то, каким образом письменное слово может передавать опыт, и дает матрицу, позволяющую интегрировать в систему все перечисленные Розовым конструкции. В работе «Время и рассказ» Рикёр предлагает концепцию тройственного мимесиса, опираясь на которую он переносит акцент с самого нарратива и связанной с ним функции разрыва на то, что изначально связывает текст с действием. Миметический круг Рикёра – это как бы герменевтический круг, перенесенный из области знаковых систем в сферу взаимоотношений между миром практики и его символической репрезентацией. Он включает три стадии.

1. Стадия префигурации опыта (мимесис-I), т. е. предпонимания мира, которую Рикёр характеризует через «овладение сеткой взаимосвязей (*réseau d'inter-signification*), конституирующих семантику действия, через знакомство с символическими опосредованиями и с донарративными возможностями человеческого действия» [Рикёр, 1998. Р. 123]. Иначе говоря, чтобы рассказать о каких-то событиях, которым некто был свидетелем, он уже в процессе восприятия должен был обозначить каким-либо образом предметы и действия, а эти обозначения уже сами задали определенные отношения к ним и между ними.

2. Стадия конфигурации (мимесис-II) связана с построением интриги, т. е. собственно с выстраиванием нарративной структуры. Это ключевая стадия, предполагающая одновременно разрыв с непосредственностью опыта и создание новой связности с опорой на элементы, наделяемые новым значением. Так, выделение исторического периода или отдельного события требует порвать с непрерывностью социальной жизни, но наделить значением начала и конца определенные моменты.

3. Стадия рефигурации (мимесис-III) жизненного опыта, т. е. переобозначение явлений с учетом новых взаимосвязей, установленных в акте конфигурации (как это можно наблюдать, например, при отодвигании начала развития буржуазных отношений в глубь Средних веков). Картина, складывающаяся в результате этой стадии, становится источником понятий для префигурации вновь полу-

чаемого опыта. Хотя эта стадия уже не имеет прямой связи с окружающим миром, она важна как область, где вся предыдущая работа удостоверяется.

На определенном этапе Рикёру удалось показать интерференцию между реальностью и вымыслом, их взаимное пересечение. Но следом возникает вопрос, как именно работает этот механизм. Как и сам Рикёр отмечает уже в работе «Память, история, забвение», остается без ответа «загадка адекватности, свойственной мимесису-рефигурации» [Ricoeur, 2000, P. 366]. Чтобы разобраться в этом, остается один путь: пройти самим от действия к тексту, прослеживая работу мимесиса на каждом из этапов.

Может показаться, что предпринятые далее изыскания уведут нас далеко в сторону от собственно теории истории. Однако это поход не в сторону, а скорее вглубь исторической науки, к ее истокам, которые, как полагал Рикёр, лежат в феномене памяти. И память, и история суть организация человеческого опыта, хотя в подходах к получению и оценке этого опыта их пути расходятся. Плюс такого похода «вглубь» состоит в том, что история помещается одновременно в контекст познавательной деятельности, свойственной человеку вообще, и в контекст недавно полученных нейронауками данных.

Анализируя, как осуществляются переходы между фазами мимесиса, мы предположили, что миметический круг представляет собой множество вложенных друг в друга процессов, протекающих на разных уровнях. Так, в упрощенной форме он может быть обнаружен уже на уровне индивидуального восприятия физических объектов и затем прослежен вплоть до метаисторического осмысления пройденного человечеством пути. На каждом из этих уровней разворачивается все усложняющаяся его версия. Нижеследующая схема позволяет проследить этапы становления мимесиса, т. е. как складывалась способность человека понимать и описывать окружающий мир и свой опыт в нем. По мере овладения операциями каждого из уровней, они сворачиваются до маленьких шажков в большом витке миметического круга.

Следует отметить, что подобные идеи уже предлагались в отечественной литературе, однако в отрыве от процессов восприятия предметного мира. Так, Г. Л. Тульчинский полагает, что «наррация предстает системой, реализующейся как минимум на трех уровнях», выделяя следующие уровни:

- демонстрация, череда событий, персонажей, документов, артефактов, формирующая фактологическую базу;
- агрегация этих фактов в хронологические и каузальные связи, образующие основу сюжетики;

- толкование этого целого, рефлексия над ним, выявляющая направленность процесса развития к финалу как «точке сборки» нарратива, раскрывающей смысл, а иногда и замысел происходившего [Тулчинский, 2016. С. 69].

Мы полагаем, что эту схему следует расширить и дополнить анализом конкретных процессов, обеспечивающих репрезентацию жизненного опыта.

Уровни мимесиса

1. Низший уровень – индивидуальное восприятие. Трехчастная модель видна уже на уровне когнитивных процессов: 1) органы чувств регистрируют сигналы окружающего мира; 2) мозг обрабатывает эти сигналы, преобразуя в образы в соответствии с опытом воспринимающего; 3) образы встраиваются в систему памяти, расширяя уже имеющийся опыт². В ходе активного взаимодействия с миром в процессе практической деятельности начинает формироваться концептуальная сетка, которая размечает окружающий мир, позволяя нам выделять предметы и действия, закладывая знания о свойствах объектов и возможных манипуляциях с ними. Так, глядя на стол, вы можете различить, что на нем находится, понять, что вот эти круглые плоские предметы – это тарелки, а вот эти коричневые пластинки – это хлеб. Можете определить неизвестный вам объект как кушанье или предмет сервировки.

Следует заметить, что на уровне восприятия отсутствует аспект временности и символического опосредования, здесь не выявляются еще функциональные связи между предметами. В соответствии с концепцией Рикёра, весь этот уровень расположен в пределах фазы префигурации. Тем не менее в своем осуществлении этот процесс отображения реальности проходит свои аналоги процессов конфигурации и рефигурации, но они находятся в ведении когнитивных наук. Миметический процесс на этом уровне ведет нас от способности различать ограниченное число оппозиций (темное и светлое, теплое и холодное и др.) к огромному набору различных форм, оттенков, высот звука и т. д. Описывая свою теоретическую модель, Рикёр исходит из того, что способность выделять предметы у нас уже сформирована, заложены знания об их свойствах. Однако важно отметить, что эта способность формируется в процессе предыдущего развития (в раннем детстве), и процесс ее формирования может быть представлен в виде того же трехчастного движения. Пользуясь выражениями Рикёра, можно сказать, что эта «первичная укорененность» мимесиса в когнитивных процессах «сообщает референциальный импульс» всем последующим виткам миметическо-

² Автор не имеет намерения вторгаться на чужую ему территорию когнитивных наук, очевидно, что познавательные процессы намного сложнее. Однако определенная структурная схожесть процессов восприятия и социального познания кажется заслуживающей внимания.

го круга. Далее этот уровень становится отправной точкой всего движения, даже если речь идет о чтении текста, все равно все начинается с восприятия слов органами чувств.

2. Следующий возможный уровень – то, что Рикёр называет практическим пониманием [Рикёр, 1998. С. 65–70]. На этом уровне к восприятию физических манифестаций (свойств объектов и их перемещения в пространстве) добавляется понимание действий других людей. На этом уровне требуется способность определять нематериальные явления, например чувства, отношения людей, а также функциональные связи между объектами (способность быть целью, средством, результатом действия). Концептуальная сетка, на базе которой осуществляется префигурация, здесь дополняется соответствующими понятиями. Эти понятия также формируются в процессе развития и взаимодействия с другими людьми, о чем свидетельствуют исследования в области когнитивной психологии.

Существенно упрощая, можно предложить такую схему: 1) идентифицируется, что собственно воспринимается (предметы, их перемещения, движения лица, изменение состояний); 2) выявляются связи между объектами, состояниями, реакциями; 3) на базе нового опыта, вносятся изменения в имеющуюся концептуальную сетку, она обогащается новыми категориями, в том числе все более и более абстрактными по сравнению с предыдущим уровнем. Овладев таким образом новыми категориями, вы к своей картине обеда можете добавить понимание настроения людей, сидящих за столом, понять, что человек, оглядывающий стол, возможно, ищет солонку, запомнить, что кто-то сказал и что ему ответили.

Здесь уже подключается аспект временности, но еще пока только в том смысле, в каком Рикёр писал о «донарративных возможностях человеческого действия» [Там же, С. 99], т. е. как необратимая последовательность движений и перемещений. То, что на предыдущем уровне этот аспект отсутствовал, хорошо видно на определенном этапе развития маленьких детей, когда они еще не могут сказать, какое действие произошло сначала, а какое потом. Практическое понимание позволяет размечать зафиксированные органами чувств физические манифестации в качестве определенных действий. В соответствии с моделью Рикёра (будем называть ее большим кругом, чтобы отличать от разворачивания мимесиса от уровня к уровню), именно на этом уровне осуществляется собственно фаза префигурации.

3. Далее можно выделить уровень эпизодического восприятия, которое позволяет конструировать из отдельных движений и действий самостоятельное

целостное явление³. На этом уровне из последовательности разговоров, движений, потребления блюд может быть составлено такое событие, как семейный обед со своими самостоятельными характеристиками, например: «это был превосходный обед, мы все хорошо провели время». Также этот обед может остаться рядовым приемом пищи, который вечером уже и не вспомнится в качестве отдельного эпизода.

На этом уровне мимесис продвигается в соответствии со способностью объединять в отдельные эпизоды физические и социальные действия, произошедшие в одном месте и расположенные близко во времени. Это движение можно проследить, сравнив два примера действия миметического круга на уровне эпизодического восприятия. Например, ребенок, который уже неплохо говорит, но еще не освоил нарративные стратегии в полном объеме, на вопрос «как ты провел время на даче?» может ответить «там была бабочка и я поливал». Другим примером может быть дача свидетельских показаний, когда человека просят рассказать, что он делал в этот день (особенно, если свидетель не знает, какие события могут оказаться значимыми, и перечисляет все подряд). Путь от «там была бабочка» до серии эпизодов, событий дня знаменуется развитием способности группировать действия в соответствии с постоянно расширяющейся концептуальной сеткой. В своем пределе эта способность позволяет объединять в одно событие действия, произошедшие в разных местах в разное время, позволяя выделять такие события, как реформы, публичные дискуссии, революции и т. п.

В большом миметическом круге Рикёра на этом уровне и происходит *разрыв* между физической реальностью и миром смысла, здесь лежит переход между фазами префигурации и конфигурации. Похожие рассуждения можно найти и у других исследователей. Например, известный нарратолог В. И. Тюпа пишет: «Эпизод у Рикёра закономерно выдвигается на роль главного инструмента дискурсивного разрыва и связывания нарративных цепочек событийности» [2013. С. 68]. Иначе говоря, чтобы выделить среди бесконечной череды действий отдельные эпизоды, необходимо порвать с непосредственностью опыта, с непрерывностью жизни, но наделить значением начала и конца определенные действия. Так, выделение временного промежутка, например, дня, порывает с непрерывностью времени, которую можно увидеть, допустим, в течении реки, но выстраивает новую связность на основе наделения определенным значением восхода и захода солнца. Кроме того, необходимы еще две способности: выявлять некое смысловое единство между разнородными явлениями, с одной сто-

³ Здесь можно употребить как понятие «эпизод», так и «событие», в том смысле, в каком эти слова могут быть синонимами, обозначая некое происшествие, то, что случилось. Во всей полноте значений «событие» проявится уже на четвертом уровне.

роны, а с другой – противопоставлять их остальным действиям, не вошедшим в эту целостность. Таким образом «неустранимость эпизодического устройства нарративного текста вытекает из необходимости вычленения событий из процессуальной непрерывности бытия... то есть обнаружения их пространственно-временных границ, их актантных центров и смысловой значимости» [Тюпа, 2013. С. 68].

Следовательно, на этом уровне уже осуществляются собственно элементы конфигурирующей деятельности, но еще в упрощенном виде по сравнению с полным разворачиванием миметического круга. Во-первых, добавляется структура «начало – конец», которая вносит дискретность в непрерывность чувственного опыта. Первоначально эта структура также может быть извлечена из опыта, поскольку конкретная жизнь (будь то жизнь человека, растения или животного) объективно имеет начало и конец, в отличие от события, которое человеческое сознание выделяет произвольно из последовательности явлений окружающей жизни. Во-вторых, формируется логическая структура «причина – следствие», надстраиваемая над такими категориями, как «цель», «условия», «мотивы» и другими, характеризующими действие. На этом же уровне происходит и формирование первых шаблонов понимания, которые отражают типичные, повторяющиеся взаимосвязи или попытку осмыслить такие связи (миф о творении может быть примером такого шаблона: мир должен иметь начало).

Движение миметического круга на эпизодическом уровне можно упрощенно представить в виде следующей схемы: 1) префигурация опыта на основе предыдущих уровней восприятия; 2) конфигурация полученных данных на основе указанных логических структур (начало – конец, причина – следствие) и шаблонов; 3) переустройство опыта, т. е. усвоение вновь установленных связей и характеристик.

Поскольку время невозможно наблюдать и мыслить непосредственно, а его понимание, по мысли Рикёра, опосредуется нарративными структурами [Рикёр, 1998], то аспект временности начинает разворачиваться только на этом уровне, еще пока в виде линейной последовательности мгновений (здесь Рикёр отсылает к хайдеггеровскому уровню внутривременности), которые соответствуют череде эпизодов. На этом уровне начинают конструироваться первые представления о времени в культуре, что находит отражение в архаических мифах, складывается модель «начальное время – эмпирическое время».

4. Затем идет уровень собственно нарративного понимания, которое позволяет связывать отдельно взятые эпизоды в истории. Помещенный в более долгий горизонт времени и увязанный с другими событиями, семейный обед здесь может стать началом конфликта (Герман весь обед говорил о политике, с тех пор

отец с ним не разговаривает) или просто местом действия (впервые за долгое время вся семья собралась вместе за столом). На этом уровне миметический круг разворачивается до большого круга, как его описывал Рикёр (см. выше), однако требуя для своего осуществления всех предыдущих витков. Способность к нарративному пониманию также формируется постепенно как в культуре, так и в индивидуальном развитии человека.

На этом уровне эпизод превращается в событие во всей полноте. Что именно добавляется? Самое существенное различие – это значимость. У слова «эпизод» есть значение некой относительно изолированной, самостоятельной части рассказа (см., например, Толковый словарь Ушакова. 1935–1940), тогда как событие в широком смысле – это «важное явление, крупный факт, происшедший в общественной или личной жизни» (там же). Предикат «важное» подразумевает некую шкалу значимости, следовательно, фон, контекст. Таким образом, событие уже требует вокруг себя истории, нарратива, эпизод становится событием во взаимосвязи или сопоставлении с другими эпизодами.

На этом уровне происходит дальнейшее развитие и усложнение логической связности, как в широком смысле (как некой упорядоченности мышления), так и в узком смысле. Мыслительная конструкция из двухчастной «причина – следствие» становится трехчастной «причина – событие – следствие». Здесь имеется в виду, что мозг становится способен проследить не только непосредственные последствия явления, связать между собой два действия пограничных по времени (например, полет стрелы – убитый олень). Принципиальное изменение состоит в том, что человек теперь может реконструировать опосредованные последствия, отставленные по времени. Соответственно формируется и более сложная повествовательная структура, а именно интрига. «Построение интриги – нечто гораздо большее, нежели один уровень наряду с другими: именно оно осуществляет переход от рассказа к объяснению» [Рикёр, 1998. С. 195]. Важно, что в дальнейшем на этом уровне идет все большее усложнение как логических операций, так и повествовательных средств для их выражения.

Логическая связность и критерий значимости, в свою очередь, обусловлены наличием общего смысла нарратива в качестве целого, относительно которого и выстраивается логика повествования. Структурно смысл нарратива соответствует значению события в памяти или в истории. В нарративной схеме организации информации событие понимается, когда объясняются его роль и значение в связи с некоторыми целью, проектом или целым (человеческая жизнь, история). Значение и есть то, что делает событие чем-то большим относительно составных его элементов, что выделяет его из череды феноменов: «Значение события определяет устойчивое сохранение его результатов вдали от истоков. Оно

коррелятивно значению самого рассказа, смысловое единство которого сохраняется в течение длительного времени» [Рикёр, 2004. С. 343].

5. Следом вырисовывается контур еще одного уровня, назовем его пока метанарративным. «Пока», поскольку необходимость его выделения – это предмет дальнейшего исследования, которое мы здесь не имеем возможности провести. Предположим, что на этом уровне различные нарративы связываются в единый, конечный метанарратив. Человеческому мышлению необходим логический предел, конечная картина, для того чтобы вырваться из вечной череды причин и следствий и рассмотреть явление в его собственном значении, так сказать, «на фоне вечности». Иначе, как писала Ханна Арендт в эссе «Понятие истории», возникает проблема «процессного мышления», когда ничто не обладает значением само по себе, но всё только некая функция, часть иллюзорно всеохватного процесса. «Понятие процесса подразумевает, что конкретное и общее, единичная вещь или событие и всеобщее значение, оторвались друг от друга» [Арендт, 2014. С. 97]. Таким образом, пятый уровень коррелирует с репрезентированием ценностей, которые и придают всеобщее значение единичным событиям.

Заключение

Итак, мы видим, что историческое знание вырастает непосредственно из предметного мира. Но также видно и то, что само по себе это не ведет к решению проблемы оценки достоверности исторических рассказов, поскольку после фиксации достоверных сведений мы в любом случае имеем дело с интерпретацией. Однако интерпретация фактов тоже может быть разложена на ряд мыслительных процедур, поддающихся оценке с точки зрения логики и соответствия действительности. Современные когнитивные науки, включая и нарратологию, показывают, как мы используем объяснительные схемы [Current Trends in Narratology, 2011]. Предложенная концепция уровней мимесиса дает возможность показать, как эти схемы формируются, как повышается их точность в передаче процессов, их способность учитывать все большее число факторов⁴. Предложенная концепция уровней мимесиса хорошо согласуется с идеями Ауэрбаха [1976], проследившего, как расширялись миметические способности литературы на пути от мифологии к реализму.

Таким образом, возвращаясь к дилемме Анкерсмита, мы видим, что ее «неразрешимость» обусловлена упрощенным подходом к нарративу как к «просто тексту». Однако нарратив есть более сложное явление, организующее высшие процессы понимания. Рассмотрев механизм реализации миметического круга не

⁴ Здесь мы опираемся на понятие нарративного шаблона Дж. Верча [2018].

просто как логической схемы, но в конкретных способах репрезентации реальности, мы видим, что этот процесс далек от того, чтобы быть совершенно произвольным. На каждом уровне его работу обеспечивают закономерности, отчасти поддающиеся проверке и научному изучению. Свойства предметов и действий ограничивают многообразие возможных интерпретаций на всех уровнях, таким образом происходит первоначальное «сцепление» восприятия с реальностью.

В данной статье мы постарались построить логическую схему, как именно нарративное понимание опосредуется практическим пониманием, основанным на свойствах вещей. Через иерархическую цепь «пониманий», т. е. сложившихся мнений о возможном положении вещей, конструируется понимание явлений все более абстрактных, в том числе и сложных исторических событий. Нарративная интерпретация не может рассматриваться как совершенно произвольная, но является результатом взаимодействия субъекта и мира, историка и исторических данных, взаимодействия, опосредованного предзаданными шаблонами восприятия и регулирующегося определенными правилами. Таким образом, у нас появляются инструменты для оценки достоверности нарративных интерпретаций не как некоего неразложимого целого, как полагал Анкерсмит, но как сложного комплекса различных конструкций, как предложил Н. С. Розов.

Список литературы / References

- Арендт Х.** Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. 416 с.
- Arendt H.** *Between Past and Future*. Moscow, Institut Gaidara Publ., 2014, 416 p. (in Russ.)
- Ауэрбах Э.** Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской культуре. М., 1976. 556 с.
- Auerbach E.** *Mimesis. The Representation of Reality in Western Literature*. Moscow, 1976. (in Russ.)
- Брокмейер Й., Харре Р.** Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. №3. С. 29–42.
- Brockmeier I., Harre R.** *Problems and Promises of an Alternative Paradigm. Problems of Philosophy*, 2000, no. 3, p. 29–42. (in Russ.)
- Верч Дж.** Нарративные инструменты, истина и быстрое мышление в национальной памяти: мнемоническое противостояние между Россией и Западом по поводу Украины // Историческая экспертиза. 2018. № 2 (15). С. 15–32.

- Wertsch J.** Narrative Tools, Truth, and Fast Thinking in National Memory: A Mnemonic Standoff between Russia and the West over Ukraine. *The Historical Expertise*, 2018, no. 2 (15), p. 15–32. (in Russ.)
- Рикёр П.** Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
- Ricoeur P.** Memory, History, Fogetting. Moscow, Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury Publ., 2004, 728 p. (in Russ.)
- Рикёр П.** Время и рассказ. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. Т. 1: Интрига и исторический рассказ. 313 с.
- Ricoeur P.** Time and Narrative. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaya kniga, 1998, vol. 1, 313 p. (in Russ.)
- Розов Н. С.** Достижение доверия к истории: неустранимость эпистемичности и коммуникативно-кумулятивный реализм // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2013. Т. 11, вып. 3. С. 37–42.
- Rozov N. S.** Trust to History: Non-Eliminability of Epistemology and Communicative-Cumulative Realism. *Vestnik NSU. Series: Philosophy*, 2013, vol. 11, no. 3, p. 37–42. (in Russ.)
- Тулчинский Г. Л.** Наррация в символической политике: уровни и диахрония // Символическая политика. 2016. № 4. С. 65–83.
- Tulchinskiy G. L.** Narration in symbolic politics: levels and diachrony. *Symbolic Politics*, 2016, no. 4, p. 65–83. (in Russ.)
- Тюпа В. И.** Категория интриги в современной нарратологии // Питання літературознавства. 2013. № 87. С. 64–76.
- Tyupa V. I.** The category of intrigue in modern narratology. *Problems of Literary Criticism*, 2013, no. 87, p. 64–76. (in Russ.)
- Ankersmit F.** The Dilemma of Contemporary Anglo-Saxon Philosophy of History. *History and Theory*, 1986, vol. 25, no. 4, p. 1–27.
- Current Trends in Narratology. Ed. by G. Olson. Berlin, De Gruyter, 2011, iss. 8, 367 p. (Narratologia. Vol. 27).
- Ricoeur P.** La mémoire, l'histoire, l'oubli. Paris, Seuil, 2000, 682 p. (in Fr.)
- Roth P.** Back to the future: postnarrativist historiography and analytic philosophy of history. *History and Theory*, 2016, vol. 55, no. 2, p. 270–281.

Материал поступил в редакцию (Received) – 18.10.2020

Статья принята к публикации (Accepted) – 17.12.2020

Сведения об авторе / Information about the Author**Аникина Александра Борисовна**

кандидат философских наук

ассистент кафедры фундаментальной медицины Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

Alexandra A. Anikina

Candidate of Sciences (Philosophy)

Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

lieda27@gmail.com

ORCID 0000-0002-5713-3168